
Юрий Красуля
Борис и подземные драконы Карпат

Юрий Красуля

Борис и подземные драконы Карпат

«Автор»
2026

Красуля Ю. С.

Борис и подземные драконы Карпат / Ю. С. Красуля — «Автор», 2026

Скрываясь от прокуратуры в горах Северной Румынии с чужими документами и крупной суммой денег, рациональный киевский интеллигент Борис случайно встречает флегматичного экс-охранника Виорела. Вместе они сталкиваются с необъяснимыми подземными вибрациями, которые жители затерянной горной деревни называют «драконовыми песнями».В поисках убежища и объяснений беглецы попадают в закрытую синкретическую общину старой знахарки Марины, где переплетаются языческая магия, христианство и таинственные ритуалы. Вынужденная маскировка оборачивается глубокой трансформацией: скептик Борис пытается объяснить «песни» с точки зрения геофизики и обретает любовь в лице прагматичной Дарьи, Виорел находит покой рядом с мечтательной Софьей, а молчаливый внук Марины, Георгий, открывает в беседах с гостями собственный путь горного отшельника-ямабуси. Когда общине начинает грозить реальная опасность со стороны местных бандитов, вчерашним чужакам предстоит встать на защиту тех, кто дал им приют.

© Красуля Ю. С., 2026
© Автор, 2026

Содержание

ДРАКОНОВЫ ПЕСНИ 6
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ВИБРАЦИЯ 6
ЧАСТЬ ВТОРАЯ. ВЕРА 9
Конец ознакомительного фрагмента. 10

Юрий Красуля
Борис и подземные драконы Карпат

ДРАКОНОВЫ ПЕСНИ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ВИБРАЦИЯ

Борис заметил, что его руки трясутся ещё до того, как начала трястись земля. Это было плохо - трясущиеся руки привлекают внимание, а внимание в его ситуации было худшим, что могло случиться после зубной боли и рака. Он засунул ладони в карманы потёртого пиджака и попытался выглядеть так, как выглядит человек, который глубоко думает о математике. Или о смысле жизни. О чём угодно, только не о том, что в его чемодане лежат документы с чужими подписями и семьсот тысяч гривен, до которых никогда не доберутся люди из прокуратуры, потому что деньги лежали в горах Северной Румынии, в пещере, которую он только что нашёл вчера вечером.

Борис был высоким, но каким-то сжатым - из тех людей, которые выросли достаточно, чтобы заглядывать поверх голов толпы, но так и не научились этим пользоваться. Узкие плечи, руки с длинными пальцами, которые всегда искали что-то, за что зацепиться - карандаш, пуговицу, край блокнота.

Лицо у него было из тех, что называют интеллигентными: острый нос, очки с одной дужкой, примотанной проволокой, тёмные круги под глазами, которые говорили о привычке думать по ночам. Пиджак на нём был когда-то коричневым, теперь - просто цвета усталости. Он двигался рывками, как человек, который постоянно вспоминает, что нужно куда-то успеть.

Дорога в горах была хороша для людей, которые не бежали от правоохранителей. Для остальных она была испытанием, потому что каждый звук - треск ветки, крик птицы, отдалённый голос - казался свистком полицейского. Туман здесь вёл себя странно: не лежал в низинах, а висел между соснами горизонтальными пластами, как бинты на ране. Тропа то теряла себя в хвойном ковре, то снова нащупывалась под ногой, и скалы по краям её были покрыты мхом такого насыщенного зелёного цвета, что казалось, горы здесь дышат и что дыхание это выходит наружу вот так - зеленью и влагой.

Борис шёл уже три часа, когда встретил Виорела. Встреча произошла совершенно по-идиотски: Борис так сосредоточился на том, чтобы не ступить на сухую ветку, что почти наступил на валявшегося на земле мужчину, который спал прямо посреди горной тропы, как в собственной постели. Виорел проснулся медленно, поднялся ещё медленнее - не от растерянности, а с той обстоятельностью, с которой поднимаются люди, давно решившие не торопиться ни в чём. Посмотрел на испуганного Бориса с выражением лица, которое обычно называют философским равнодушием, и произнёс первую фразу:

- Ты, похоже, от кого-то бежишь.

Виорел был румыном - это угадывалось в чертах лица, в особом способе держать паузу перед словом, в тёмной коже, задублённой горным солнцем. Лет ему было столько, сколько бывает у людей, которые перестали считать. Широкоплечий, невысокий, с руками рабочего человека - квадратные ладони, сбитые костяшки, ногти в трещинах от ремесла, которое он давно оставил. Волосы у него были тронуты сединой у висков и торчали в стороны с полным безразличием к тому, что о них подумают. Серая рубашка, штаны из какой-то грубой ткани, сапоги, которые, по всей видимости, пережили несколько хозяев до него. Он передвигался так, как передвигаются люди в горах - не по прямой, а немного боком к склону, каждый шаг ставя сначала пяткой, как кот.

Это было настолько точно, что Борис невольно уважил Виорела. Человек, который может читать людей с такой ясностью, достоин хотя бы краткого объяснения или, в худшем случае, тяжёлого удара в челюсть. Борис выбрал первое.

- Да, - сказал он. - И ты, похоже, куда-то идёшь. Хотя нет, стоп, ты лежал.

Виорел усмехнулся. Усмешка у него была такая, которая говорит, что в жизни человек повидал всякого, что его уже ничем не удивить, и что, в общем-то, ему на всё глубоко наплевать - но не со злостью, а с каким-то спокойным смирением. Затем он встал, отряхнул рубашку и предложил:

- Пожалуй мне уже пора перестать отдыхать. Нормально, если я с тобой? Двоим всегда лучше, чем одному. Да и ты выглядишь так, как выглядит человек, который вот-вот упадёт в обморок.

Так они начали идти вместе. Туман впереди расступался перед ними с ленивой неохотой, открывая всё новые складки горного леса. Где-то над головой перекликались птицы на языке, который ни один человек не учил и никто не забывал. Тропа шла вверх серпантином, огибая выходы породы - серый известняк с прожилками, похожими на схему чего-то важного, написанную не для людей.

Виорел рассказывал о том, что вышел на пенсию полтора года назад, работал охранником в казино, потом работал вышибалой в клубе на окраине Бухареста, и в конце концов понял, что людей становится всё больше, а вот смысла в их избиении всё меньше. Говорил он медленно, с паузами, которые не были неловкими - они были частью речи, как пространство между нотами. Борис слушал и восхищался тем, как легко Виорел говорит о вещах, которые другие люди держат в себе, как гвозди в гробу.

Они шли час, потом второй. Горы здесь были не жестокими, а именно равнодушными - такими, каким бывает очень старое существо, которое перестало замечать мелочи. Склоны поросли буком и грабом, среди которых стояли одинокие ели, как часовые непонятно чего. На поворотах тропы открывались виды в долины, затянутые молочным маревом, и из этого марева торчали верхушки деревьев, как мачты утонувших кораблей.

Борис начал рассказывать про инвестиции и про то, как одна маленькая ошибка в расчётах может привести к тому, что в твоей квартире в Киеве появляются люди с поддельными судебными приказами и искренним желанием забрать всё, вплоть до привета от твоей матери. Виорел слушал и кивал, как человек, который знает, что наказание за глупость приходит всегда, просто у каждого оно своё.

А потом, в тот момент, когда Борис поднимался на небольшой холмик и рассуждал о том, что «абстрактный перенос концептуального моделирования мог бы помочь нам переоценить ситуацию с точки зрения метафизического парадокса», земля под ними дрогнула.

Это не было землетрясением. Это было что-то мягче, но в то же время глубже - так дрожит пол старого собора, когда в подземелье под ним лопается труба, только здесь не было никакого собора и никакой трубы, были только горы, которые вдруг вспомнили о себе. Борис и Виорел упали одновременно, прямо в траву, и Борис инстинктивно закрыл голову руками, как будто это могло помочь. Виорел же просто лежал, глядя в небо, и выражение его лица не изменилось.

Вибрация длилась секунд пять, может, десять. Потом прошла. Лес замер после неё на мгновение - птицы смолкли, ветер остановился, даже туман, казалось, перестал двигаться. Потом всё вернулось. Но что-то изменилось в воздухе, что-то неуловимое, как запах озона после грозы, которой не было.

Когда всё стихло, Борис поднял голову и спросил:

- Это было...?

- Землетрясение, - ответил Виорел, поднимаясь с невозмутимостью старого слона. - Или что-то вроде того. В горах это случается.

Но Борис уже вставал, вытирал траву с пиджака и бормотал себе под нос что-то про геотермальные колебания, про циклические вибрации недр, про то, что это просто ужасно интересно с научной точки зрения. Он достал из рюкзака потрёпанный блокнот - вещь, которую

любой нормальный человек оставил бы дома вместе с мобильным телефоном, - и начал что-то писать. Длинные пальцы двигались быстро, почерк был мелким, как у человека, который боится, что бумага кончится раньше, чем мысли.

Виорел смотрел на него с интересом, как смотрят на сумасшедшего, которого, однако, не стоит игнорировать.

- Ты как миколог, - сказал Виорел. - Только вместо грибов ловишь вибрации.

Борис усмехнулся. Это было хорошее сравнение. Потом он задумался и произнёс медленно, как человек, который только что понял что-то очень важное:

- Постойте. А что если это не просто случайное колебание? Что если это циклический процесс? Что если это происходит раз в несколько недель, и у людей, которые здесь живут, есть объяснение?

- Ты хочешь сказать, - перефразировал Виорел, - что нам нужно найти этих людей и спросить?

- Именно, - кивнул Борис. - Мы скажем, что изучаем геомагнитные аномалии. Никто не будет спрашивать, откуда мы и зачем. Наука - это универсальное объяснение для любого странного поведения.

- Ты очень хитрый для человека, который три часа назад выглядел как напуганный заяц, - заметил Виорел.

Они продолжили идти. Тропа теперь шла через старый буковый лес, где стволы были такими толстыми, что два человека не обхватили бы их вместе. Корни деревьев вылезали на поверхность, переплетались, образовывали арки и ловушки. Свет сюда не доходил прямыми лучами - он рассеивался в кронах и падал вниз уже ручным, домашним, почти живым. В этом свете горы казались не просто старыми, а помнящими - то есть живыми в том смысле, в каком живы только очень древние вещи.

Борис всё больше убеждался в том, что вибрация была не просто подземным толчком. Это был знак. Или совпадение. Или просто горы, которые дышали - медленно, с паузами в несколько недель между вдохами. Но для человека, который бежит от правоохранителей с чемоданом денег в пещере, любой знак был хорош.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. ВЕРА

Деревня, если её можно было так назвать, состояла из семи домов, которые были разбросаны по склону холма, как кости брошенной кубической игры. Дома выглядели так, как строят их люди, которые вообще не верили в архитектуру и просто складывали камни до тех пор, пока камни не решали стоять на месте. Большинство крыш было покрыто старой черепицей, которая могла рассказать истории про войны, голод и тот период, когда эти земли совсем не знали, кому принадлежать.

Именно в этой деревне они встретили женщин.

Борис увидел их первым - две силуэта на дороге, одна помоложе, одна повзрослее, обе с тем выражением лица, которое обычно означает, что вы подозреваете незнакомцев в совершении чего-то непристойного. Борис тут же включил режим «научного наблюдателя», распрямил спину и постарался выглядеть как человек, который интересуется прежде всего интеллектуальными вопросами, а не тем, как быстро сбежать в лес.

Виорел, видимо, решил, что лучший способ победить недоверие - это галантность. Он снял с головы воображаемую шляпу (головного убора у него не было, но жест получился убедительным) и произнёс что-то на румынском, что должно было звучать как приветствие, но звучало, скорее, как запрос о направлении дороги или признание в совершённом преступлении. Его румынский был таким же грубым, как его внешний вид был мягким.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.